

**ВЕСТНИК
Томского государственного университета**

2018. № 433. Август

• ФИЛОЛОГИЯ

• PHILOLOGY

• ИСТОРИЯ

• HISTORY

• ПЕДАГОГИКА

• PEDAGOGICS

• ПРАВО

• LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2018. № 433. August

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОГО ДЕЛА ГРАЖДАНИНА, ВОЗБУДИВШЕГО ХОДАТАЙСТВО О ВОССТАНОВЛЕНИИ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВАХ, ЛИШЕННЫХ ЗА ЗАНЯТИЕ ТОРГОВЛЕЙ

Исследование выполнено на средства гранта Российского научного фонда № 16–18–10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования».

Дана характеристика автобиографии в структуре личного дела гражданина, возбудившего ходатайство о восстановлении в избирательных правах, которых он был лишен за занятие торговлей, – как базовому и системообразующему элементу не только в материалах дела, но и в процессе восстановления. Поскольку структура и содержание делопроизводственных автобиографий предопределены административными процедурами, в рамках которых они создавались, анализируются специфические черты автобиографий бывших торговцев.

Ключевые слова: Урал; нэп; избирательное право; ограничение избирательных прав; личное дело; автобиография; биографические данные; делопроизводственная автобиография; торговля; делопроизводство.

После октября 1917 г. задачи экономических преобразований были подчинены более значимым целям – удержанию власти, социальному переустройству старого и формированию нового общества. Одним из методов классово-политической борьбы в условиях новой экономической политики являлось внесудебное ограничение в гражданских правах значительной части населения. «Диалектически» сочетая идеологический догматизм и прагматизм в оперативном управлении, большевики, с одной стороны, декларировали демократические принципы, а с другой – подвергали дискриминации значительную часть населения. Принцип «кто был ничем, тот станет всем» не срабатывал в полной мере, так как, помимо «бывших», ряды маргиналов пополнили новые «неполноправные свободные». Механизм внесудебного лишения избирательных прав (1918–1936 гг.) позволял отстранить от легальных форм управления на самых разных уровнях власти и в самых разнообразных сферах не только «бывших», но и «неблагонадежных». Среди представителей последних были как эксплуатировавшие чужой труд, так и те, кто занимался торговлей. Лишение частных предпринимателей избирательных прав, т.е. дискриминация граждан по признаку профессиональной деятельности, заслуживает особого внимания, поскольку частная торговля в 1921–1931 гг. являлась легальным занятием. Приоритет в изучении этой проблематики в 1990-е гг. принадлежит региональным историкам. Наиболее детальный анализ этой социальной группы на материалах Урала и Сибири был проведен в работах таких исследователей, как Т.И. Славко [1], С.В. Шейхетов [2], Е.В. Демчик [3], что позволило в 2000-е гг. выйти на новый уровень изучения темы, обобщить собранный материал, найти точки соприкосновения отечественной и зарубежной историографии [4].

Процесс лишения избирательных прав регламентировался нормами Конституции РСФСР и инструкциями о выборах в советы [5]. Право избирать и быть избранным частные торговцы утрачивали в силу статьи 69 Конституции РСФСР, а также ряда статей «Инструкции о выборах городских и сельских советов и о созыве съездов советов». В частности, на основании ст. 14 п. «б» («лиц, живших или живущих в настоящее время на нетрудовые доходы, а также занимавшихся и

занимающихся ныне торговлей») и ст. 15 «в» («земледельцы, занимающиеся наряду с земледельческим хозяйством скупкой и перепродажей скота, сельскохозяйственных и иных продуктов в виде промысла (барышники-прасолы); «з» (частные торговцы и перекупщики); «г» (предоставляющие товарный или денежный кредит на кабальных условиях); «и» (частные торговые и коммерческие посредники); «п» (члены семей лиц, лишенных избирательных прав <...> в тех случаях, когда они находятся в материальной зависимости от лиц, лишенных избирательных прав, и не имеют источником своего существования самостоятельный общественно-полезный труд)» [6].

Справка финансового отдела о выборке патента на занятие торговлей давала основание для членов избирательных комиссий исключать гражданина из списка избирателей. Отметим внесудебный, административный порядок лишения избирательных прав граждан, что само по себе является нарушением принципа разделения властей, вступает в противоречие с основами правового государства и создает почву для административного произвола. Так, в сельской местности включение человека в список лишенных избирательных прав и, соответственно, исключение из списка избирателей могло производиться на бездокументной основе, когда со слов односельчан или представителей сельсовета человек объявлялся «торговцем» или «кулаком».

При оценке качества юридических процедур необходимо учитывать специфику советского нормотворчества, эффективность правоприменительной практики, а также уровень правосознания населения (рядовых граждан, законодателей и правоприменителей). Была распространена вольная трактовка правовых норм, либо расширительная (в духе революционной законности), либо, в силу низкого уровня образования, вульгарная, допускающая специфическое их прочтение, что приводило к правовым коллизиям. Трагикомичной выглядит ситуация с лишением права голоса глухонемых граждан. В информационной сводке Объединенного государственного политического управления о политическом и экономическом состоянии Ишимского округа Уральской области за октябрь 1924 г. сообщалось: «Необходимо отметить некоторые ненормальности в отношении права лише-

ния голоса и неправильное отстранение, как это случилось в селе Актобан данного [Петуховского. – А.К.] района. Например, лишены права голоса три глухонемых и последних обложили налогом в виде штрафа, накладываемого на всех лишенных права голоса, в сумме 3 руб. 33 коп. [за лишение права быть сельским исполнителем брался дополнительный налог в размере 10 руб., по всей видимости, сумму разбили на троих. – А.К.]. Данный факт кулачество использовало, и ведет агитацию, говоря, что Советская власть не дает никаких прав глухонемым и т.д. (агентурный материал)» [7. Оп. 4. Д. 71. Л. 213].

Расширительное толкование норм права проявлялось и в том, что невозможность участия в выборах в советы была лишь самой незначительной, символической частью тех ограничений, которые накладывались на лишенцев. Наиболее существенными являлись следующие: дискриминация при приеме на работу, при оказании медицинских и образовательных услуг (отказ в их предоставлении); дополнительное налогообложение; отказ в доступе к распределению нормированных продуктов питания и товаров первой необходимости; выселение из муниципальных квартир; ограничения при призыве в армию (лишенцы могли служить только в тыловом ополчении); отказ при приеме в профсоюз (в случае сокращения штатов не члены профсоюза увольнялись в первую очередь). Эти ограничения позволяют Ш. Фицпатрик говорить о «лишенцах»¹ как об определенной сословно-классовой группе [8. С. 9].

Включение в списки «лишенцев» происходило оперативно, напротив, процесс восстановления был длителен и сложен. Необходимо было пройти административную процедуру и выполнять целый ряд условий, среди которых был своего рода «карантин», т.е. пятилетний стаж общественно полезного труда после прекращения торговли. Восстановление в избирательных правах напоминало судебную процедуру, пусть и осуществляемую в заочной форме, в рамках которой человек должен был доказать, что лишен избирательных прав незаконно или, если лишение было правомерным, обосновать возможность своего восстановления (доказать лояльность советской власти, подтвердить пятилетний трудовой стаж и т.п.). Можно утверждать, что доминировала презумпция виновности человека. Гражданин был вынужден самостоятельно доказывать свою невиновность. Отправной точкой на этом пути было заявление «лишенца» о восстановлении в правах.

Личные дела «лишенцев» явились основным историческим источником в нашей работе. «В делопроизводстве большую группу с множеством разновидностей составляют документы по личному составу, некоторые из них фактически близки к категории учетных материалов. Эти источники, как правило, сосредоточены в личных делах сотрудников. Кроме личных дел, отражающих прохождение службы и относящихся к кадровой структуре организации, имеются документальные массивы той же разновидности, но созданные для реализации специальных управленческих задач» [9. С. 51–52]. В том числе к ним относятся и дела лишенных избирательных прав. По мнению

Ю.А. Русиной, «при всем разнообразии состава документов в этих источниках они характеризуются тем, что социально-демографические сведения о конкретном лице идентичны сведениям в стандартных личных делах» [9. С. 52]. Вопреки этому утверждению, в нашу задачу входит рассмотрение специфических черт и особенностей составления автобиографий, находящихся в личном деле гражданина, лишенного избирательных прав за занятие торговлей. Эта исследовательская задача предполагает проведение источниковедческого исследования делопроизводственных автобиографий «лишенцев».

В своем исследовании мы опирались на информационный массив личных дел «лишенцев», находящихся на хранении в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) в составе фонда облисполкома. Мы изучали личные дела граждан, которые уже прошли районный и окружной уровень и чьи заявления были на рассмотрении избирательных комиссий Уральской (1923–1934 гг.) и Свердловской (1933–1936 г.) областей [10. Оп. 6, 7, 8]. Опись фонда является неполной, так как в заголовке единицы хранения указаны только фамилия, имя и отчество человека. Но, как показывает практика, встречаются ошибки в их написании (неточно указана фамилия, изменен пол). В описи отсутствуют даты формирования и окончания дела, не указано количество листов и нет упоминания статьи, на основе которой человек был лишен избирательных прав. В силу этих обстоятельств выявление личных дел «лишенцев», относящихся к определенной социальной группе, затруднено. Это возможно лишь путем сплошной выборки, на которую, по моим сведениям, еще никто не отважился. По алфавиту нами были заказаны около 800 дел, на основе 179 дел были составлены формализованные анкеты [11]. Параллельно выявление личных дел осуществлялось с использованием перекрестных данных. В фондах Екатеринбургского губернского суда (1921–1924 гг.) [12], Свердловского областного суда [13] хранятся судебные (ряд авторов использует формулировку архивно-следственные) дела, в которых в качестве свидетелей или обвиняемых упоминались частные предприниматели и, соответственно, эти фамилии сопоставлялись с описью личных дел «лишенцев». Это дало еще 98 единиц. Еще один прием не строгой выборки заключался в том, что были изучены все личные дела однофамильцев (20 дел), среди которых были обнаружены дела бывших торговцев.

Всего было проанализировано 287 личных дел «лишенцев», из которых подавляющее большинство – торговцы. Ряд дел содержат лишь выписку из протокола заседания Малого бюро облисполкома или справку о передаче дела во ВЦИК. Другие дела, напротив, включают в себя широкий набор документов, порой дублирующих друг друга. Дополнительную информацию о гражданине можно было получить при изучении материалов личных дел его родственников, находившихся на его иждивении и по этой причине лишенных права голоса, которые также ходатайствовали о восстановлении.

Личное дело гражданина, возбудившего ходатайство о восстановлении его в избирательных правах, –

ценный исторический источник, который постоянно привлекает внимание исследователей. Так, работа Е.В. Байды [14] была написана на уральском материале, а коллективная монография В.И. Тихонова, В.С. Тяжелникова и И.Ф. Юшина – на данных по городу Москва [15]. На основе этого источникового массива было защищено большое количество диссертаций, в которых содержится более или менее подробный источниковедческий анализ личного дела. Такие авторы, как Д.В. Валув [16], Н.М. Морозова [17], М.С. Саламатова [18], В.И. Тихонов [19], по-разному подходят к описанию структуры источника, предлагают собственные принципы классификации документов, входящих в личное дело, с различных позиций оценивают степень их полноты и достоверности. Особый интерес вызывает диссертационное исследование Е.В. Карпычевой [20], так как автор сосредоточил свое внимание на источниковедческом анализе личного дела. Отдельный параграф работы посвящен анализу заявления гражданина и оценке его информационного потенциала [20. С. 99–101]. Е.В. Карпычева не ставила перед собой цель рассмотреть автобиографические данные в качестве самостоятельного объекта исследования, но в работе подняты проблемы достоверности и полноты содержащейся в них информации. Отметим, что, говоря о достоверности источника, автор рассматривает как проблему достоверность сведений, содержащихся в документах, так и вопрос подлинности самих документов.

Предполагалось, что личное дело гражданина, возбудившего ходатайство о восстановлении в избирательных правах, должно включать в себя комплекс документов, который, с точки зрения членов избирательной комиссии, был необходим и достаточен для вынесения решения.

Дело сформировано в обратной хронологической последовательности и в нем, на листе под номером один, как правило, расположено решение высшей инстанции, содержащее окончательное заключение о восстановлении или отказе в восстановлении. Помимо этого итогового документа в деле содержатся выписки из протоколов избирательных комиссий низшего звена, справки о пересылке дела во ВЦИК, запросы в различные организации с просьбой предоставить необходимые сведения. В деле находится заявление гражданина, а затем следуют документы, подтверждающие или опровергающие изложенные им факты. Это могли быть справки с места работы, учебы или службы в армии, сведения о трудовом стаже, заборные книжки, выписки из послужных списков, справки сельсоветов об имущественном положении и т.п.

В случае отсутствия у гражданина официальных документов, он самостоятельно собирал свидетельские показания односельчан или коллег по работе, тех, с кем служил вместе в армии. Крестьяне, например, оформляли эти данные в виде протоколов сельских сходок. В деле содержатся материалы финансовых органов, в частности, справки о периоде использования патента на занятие торговлей. Финотделы предоставляли также справки о том, что в настоящий момент на имя гражданина патент не выбран и за ним не числятся долги по налогам. Порой в деле содер-

жались оригиналы патентов на занятие торговлей или ремесленным промыслом, справки об уплате сельхозналога. В отдельную группу можно выделить документы медицинских учреждений: справки о здоровье, медицинские освидетельствования, справки об инвалидности и т.п.

На основе происхождения и по тематическому признаку весь комплекс документов, содержащийся в личном деле, можно подразделить на несколько групп: 1) заявление (жалоба, прошение, обращение) гражданина; 2) сопроводительные документы, собранные и предоставленные самим заявителем, призванные подтвердить изложенные в заявлении факты; 3) материалы избирательной комиссии (решения, выписки из протоколов, запросы в сторонние организации, анкеты); 4) документы сторонних организаций, собранные по инициативе избирательной комиссии (характеристики и рекомендации, финансово-хозяйственные документы, медицинские справки и акты освидетельствования пациента, материалы кадрового делопроизводства, копии записей актов гражданского состояния).

Особый интерес представляют заявления граждан, которые инициировали процедуру восстановления. Порой заявлений в деле было несколько, так как в случае отказа на нижестоящем уровне, при обращении в вышестоящую комиссию писалось новое заявление. Заявление является наиболее информативным и эмоционально окрашенным документом в составе личного дела, содержит прямую речь автора. В этом документе, помимо просьбы о восстановлении, содержится биографические данные, обоснование своей позиции, указание на материалы, которые прилагаются к заявлению.

Заявление, содержащееся в личном деле «лишеница», является отправной точкой в процессе восстановления, инициированного самим гражданином. Документ мог иметь различные заголовки (заявление, жалоба, обращение), что существенным образом не влияло на его содержание. Структура документа лишь отчасти поддается формализации в связи с тем, что заявление писалось в свободной форме. В нем содержится апелляция к нормам права (Инструкция о выборах, Конституция, иные нормативно-правовые акты). В структуре личного дела это наиболее информативный и развернутый текст, который мог включать в себя различные фрагменты, относящиеся к иным видам документов. Как правило, заявление содержит ссылки на материалы, подтверждающие изложенные факты или прямые цитаты из этих документов.

Заявление всегда отражает личность автора, специфику его стиля и манеры изложения; по сравнению с другими делопроизводственными документами, оно максимально персонифицировано. Анализ заявлений позволяет сделать вывод об использовании широкого спектра авторских стилей и разнообразной эмоциональной палитры, так как автор апеллирует не только к разуму, но и эмоциям своего адресата.

Отметим, что автобиографии в личных делах встречаются крайне редко. Как правило, автобиографические сведения включены в состав заявлений и жалоб гражданина. Всего нами было выявлено десять

автобиографий. Они представляют собой отдельные документы с соответствующим заголовком. Таким образом, содержащиеся в личном деле «лишеница» биографические данные, источником происхождения которых является сам заявитель, можно разделить на две группы. Первая, наиболее многочисленная, – это заявление или жалоба, включающая в себя биографические сведения, вторая, – малочисленная – автобиография в виде отдельного документа, снабженного соответствующим заголовком.

Автобиография – это отдельный документ, представленный в виде развернутого текста, имеющий традиционную структуру и несколько линий повествования. В случае наличия в личном деле автобиографии на нее есть прямое указание в заявлении гражданина. Автобиография в качестве отдельного документа встречается редко и не является массовым источником. Биографические данные, напротив, включены в состав личного заявления, но могут содержаться и в иных документах. Эти сведения более отрывочны и не сбалансированы, они концентрируют внимание адресата на основной сюжетной линии «торговля – лишение избирательных прав». Биографические данные являются обязательным элементом дела, необходимым для вынесения окончательного решения членами избирательной комиссии, служат основным аргументом заявителя в пользу своей позиции, поэтому присутствуют во всех личных делах, которые можно считать «комплектными». В силу широкого распространения они могут быть отнесены к массовым источникам.

Как правило, включение автобиографических данных в текст заявления сопровождалось следующими фразами: «Прошу меня восстановить в избирательных правах, приняв во внимание следующие сведения о моей жизни...»; «Кого я из себя представляю, вкратце изложу свою биографию, подтверждаемую копиями документов при сем приложенных...»; «...Поэтому не содеянное, и не образ проведенный моей жизни не заслуживают, чтобы меня лишать прав избираться, в виду этого изложу свою биографию...».

В автобиографии «лишеница» отчетливо проступает цель ее создания и очевиден набор средств, которые использует автор для ее достижения. Целью написания автобиографии является восстановление в избирательных правах либо на основании, что лишение было незаконным (ошибочным, несправедливым), либо, в случае признания справедливости лишения, представив аргументы в пользу восстановления.

Существенное влияние на структуру документа оказала Инструкция о выборах в советы, в которой говорится о том, кто может, а кто не может быть лишен избирательных прав и каковы основания для восстановления в правах [6]. Эти факты находят свое отражение в автобиографии. Перечень тем задает и анкета «лишеница», которая порой встречается в личном деле. Специальных анкет, рассчитанных на бывших торговцев, в фондах ГАСО мы не встретили. Судя по заголовку, имеющиеся в делах анкеты первоначально предназначались для заполнения бывшими служащими полиции [10. Оп. 6. Д. 1393-а. Л. 11–12].

По всей видимости, тираж был рассчитан неверно и намного превосходил число бывших полицейских,

которые ходатайствовали о восстановлении в избирательных правах, поэтому анкеты использовались для сбора информации о других категориях «лишеницев».

Проблема авторства автобиографий кажется простой и очевидной, однако это не так. Разумеется, в абсолютном большинстве авторами являлись граждане, которые инициировали процедуру восстановления в избирательных правах. Все автобиографии в виде самостоятельного документа написаны людьми с более высоким уровнем образования и всегда собственноручно. Ряд заявлений, содержащих биографические данные, явно были созданы коллективно или при активном участии третьих лиц. Об этом может свидетельствовать несоответствие почерка, которым написан текст заявления, и характера подписи. Указание в личном деле на низкий образовательный уровень или безграмотность может резко контрастировать с текстом заявления, которое написано грамотно, хорошим почерком и с внятной системой аргументации, что косвенно свидетельствует о высоком уровне образования автора текста. Среди «соавторов» могли быть профессиональные помощники, знатоки процедур, которые приносили в заявление собственную систему аргументации, возможно, воспроизводили наиболее удачные шаблоны, на основании которых ранее уже выносились решения в пользу заявителя. В ряде случаев в текстах очевидно влияние родственников, заинтересованных в восстановлении прав главы семьи, поскольку лица, находящиеся на иждивении, также лишались избирательных прав.

Из текста заявления Александры Ивановны Килиной: «Что же касается указанного в справке нелегальной торговли, то действительно таковую продолжала, но лишь в ручной разностке (так в тексте. – А.К.), при обороте 200 руб. в год. При patente же, годовой оборот не превышал 500 руб. и вот за лукошечную торговлю я лишена права избирательного голоса. В силу чего и лишена всех надежд к существованию, а поэтому полагаю, что учтя мое бедное положение, старческую дряхлость, к тому же социальное положение, как ранее из рабочей семьи, надеюсь, восстановите меня в праве избирательного голоса <...> За неграмотную Килину, по ея личной просьбе распишусь (подпись)» [10. Оп. 6. Д. 3289. Л. 2].

В определенной степени «соавтором» заявителя являлся адресат, так как текст заявления и автобиография были призваны склонить на свою сторону членов избирательной комиссии. Как правило, адресат был персонифицирован только в ситуации, когда заявление направлялось во ВЦИК, тогда указывалось конкретное имя – Михаил Иванович Калинин. В абсолютном большинстве случаев конкретным адресатом являлась комиссия в целом. Мы не располагаем информацией о списочном составе избирательных комиссий и о социальном облике ее членов. Однако инструкция о выборах определяла порядок комплектования комиссий, в том числе с использованием классового принципа. «В состав этих комиссий должны быть включены представители рабочих и крестьян, непосредственно связанных с производством или с сельским хозяйством, а также представители национальных меньшинств» [6]. Состав ко-

миссий предполагал «включение» таких механизмов принятия решений, как «революционная законность» и «классовое правосознание». В нашем распоряжении нет протоколов или стенограмм заседаний избирательных комиссий, в которых были бы отражены дискуссии относительно мотивов отказа или, напротив, удовлетворения просьбы о восстановлении, но рассмотренные нами примеры свидетельствуют о том, что при вынесении решений члены комиссий ориентировались прежде всего на формальные основания. Это позволяет предположить, что решение принималось по бюрократической схеме, а основная роль отводилась аппарату.

Система построения автобиографии вполне традиционна и в своей основе содержит хронологический принцип. Однако, помимо этого, в тексте можно выделить три проблемных поля или сюжетных линии.

«Историческая линия» построена на описании наиболее значимых исторических событий или периодов: до октября 1917 г., в годы гражданской войны, в период нэпа и на стадии его свертывания. Эта периодизация копировала схему, заданную различными анкетами, которые содержатся в личных делах. Исторические события могли играть весьма существенную роль в жизнеописании конкретного человека, а могли игнорироваться, становились «прозрачными» и «невидимыми» для гражданина.

«Личностная» линия основана на описании жизненного пути заявителя и, собственно, является его биографией. В том или ином сочетании, в различных вариациях, с различной полнотой встречаются упоминания: о месте рождения, социальном происхождении, учебе, семейном положении, службе в армии (царской, белой, красной), плене, работе на предприятии, безработице, болезнях и инвалидности, о переезде в другую местность и т.п.

Наиболее детально описывается «сюжетная линия», в которой излагаются обстоятельства, связанные со статусом торговца (причины начала и прекращения торговли, ее характер), а также факт лишения избирательных прав и его последствия. Таким образом, в основу периодизации положен факт торговли (до торговли, во время торговли и после ее окончания).

Анализ автобиографий «лишенцев» подтверждает вывод о том, что «историзация» индивидуальной памяти (воспоминаний) наблюдается в двух формах: во-первых, придание индивидом социальной значимости автобиографическим событиям своей жизни; во-вторых, увязывание индивидуальной автобиографии с социально значимыми («историческими») событиями» [21. С. 188].

Авторы автобиографий для достижения своих целей могли использовать «оборонительную» или «наступательную» стратегию в отстаивании своей точки зрения. Абсолютное большинство автобиографий написаны с позиции покаяния, признания своей неправоты, ошибочности своего поведения. Торговлю сравнивали не только с «заразой», но и преступлением. Основная задача автора заключалась в том, чтобы показать незначительность факта торговли, ее кратковременность на фоне продолжительного периода об-

щественно-полезной деятельности. Часть биографий, напротив, написана с осознанием своей правоты и даже значимости торгового посредничества в условиях новой экономической политики. Их авторы апеллируют к легальности этого вида деятельности и к его социально-значимой функции. Таким образом, автобиография рассматривается как средство реабилитации гражданина, что является темой для отдельного исследования.

Обращаясь к биографиям, которые содержатся в личных делах лишенцев, мы имеем дело, по определению Ю.П. Зарецкого, с «делопроизводственной биографией», которая формируется под воздействием внешних формальных требований, создается с конкретной целью (реализация определенных прав гражданина), что и предопределяет ее структуру и содержание [22]. С удовлетворением следует отметить, что внимание к делопроизводственным автобиографиям как историческому источнику в последние годы возросло. В качестве удачного примера приведем работу С.В. Волошиной и А.В. Литвинова, которые на основе анализа автобиографий, сформированных в системе кадрового делопроизводства, приходят к выводу о том, что это «с одной стороны, документ, в котором отражается жизненный путь автора и эпоха написания, с другой – это своеобразный инструмент контроля человека властью» [23].

На примере личных дел «лишенцев» мы более глубоко изучаем проблему делопроизводственных автобиографий как исторического источника. Появляется возможность проанализировать как общие черты, так и специфику этого документа по сравнению с иными автобиографиями. Показательно сравнение автобиографий «лишенцев» с теми, которые создаются как разновидности документа по личному составу в рамках кадрового делопроизводства или формируются в процессе следствия и судопроизводства, входят в состав судебно-следственных дел [24].

Критерии классификации делопроизводственных биографий предопределены административными процедурами (трудоустройство, формирование положительного образа в рамках судебно-следственного дела или дела по восстановлению в избирательных правах). Основанием для классификации автобиографий «лишенцев» может являться принадлежность к той или иной социальной группе, которая, в соответствии с избирательным законодательством, ограничивалась в правах в связи с тем, что советское законодательство связывало как лишение избирательных прав, так и их восстановление с различными обстоятельствами жизни гражданина.

Для делопроизводственных автобиографий характерны следующие общие черты: они формируются в рамках системы делопроизводства, отражающей конкретный управленческий процесс; составляются с четко определенной целью; имеют конкретного адресата; призваны создать положительный образ автора; относительно формализованы, построены по хронологическому принципу; дополняются комплексом документов, призванных подтвердить факты, изложенные автором; как правило, являются массовым источником.

Автобиография в составе личного дела гражданина, лишенного избирательных прав за занятие торговлей, имеет следующие отличительные черты:

- может быть как самостоятельным документом, так и включенным в состав заявления;
- обязательно содержит факты, которые можно рассматривать как основание для восстановления в избирательных правах;
- не сбалансирована, так как в ней наиболее подробно отражены сюжеты, связанные с занятием торговлей и лишением избирательных прав;
- в ней присутствуют формы умолчания, часть биографических данных скрыта;
- содержит ссылки на нормативно-правовые акты;
- могла составляться с помощью третьего лица;
- присутствует эмоционально окрашенное изложение материала;
- содержит оценочные суждения;
- серия автобиографий, включенных в состав одного дела, позволяет провести сопоставление, проследить эволюцию системы аргументации, которую использует автор на разных этапах рассмотрения дела.

На основе анализа личных дел граждан, возбудивших ходатайство о восстановлении в избирательных правах, лишенных за занятие торговлей, можно сделать следующие выводы относительно роли автобиографии в структуре личного дела. Автобиографические данные

являются системообразующими как для формирования дела, так и для самой процедуры восстановления в правах. Структура делопроизводственной автобиографии задана не только хронологией (присутствуют также историческая, биографическая и «торговая» сюжетные линии), но и нормативно-правовыми актами, регулируемыми процедуры лишения и восстановления в избирательных правах. Адресат был известен, и содержание текста должно было в той или иной мере соответствовать его ожиданиям. Аргументация авторов строится как на рациональных (ссылка на нормативно-правовые акты), так и эмоциональных основаниях (апелляция к чувству справедливости, революционной сознательности, здравому смыслу). По косвенным данным можно сделать вывод о том, что членами избирательной комиссии решение принималось по формальным основаниям. Наличие автобиографии в виде отдельного документа, как правило, демонстрирует социальную зрелость автора, его более высокий образовательный уровень. Автобиографии в виде отдельного документа всегда писались самостоятельно, с более детальным изложением различных сюжетных линий. Отметим, что высокое качество автобиографического материала отнюдь не гарантировало благополучного исхода дела для заявителя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Для краткости эту категорию граждан называли «лишенцами», что подразумевало негативную коннотацию. Идя вслед за источником, мы используем этот термин, но считаем целесообразным помещать его в кавычки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Социальный портрет лишенца (на материалах Урала): сб. документов / сост. Е.В. Байда, В.М. Кириллов, Л.Н. Мазур и др.; отв. ред. Т.И. Славко, Екатеринбург : УрГУ, 1996. 265 с.
2. Шейхетов С.В. Нэпманы Сибири. // Сибирская заимка. Сибирь Советская. URL: <http://zaimka.ru/soviet/cheikh1.shtml> (дата обращения: 11.07.2017)
3. Демчик Е.В. Частный капитал в городах Сибири в 1920-е годы. Барнаул, 1998. 240 с.
4. Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). 2-е изд. Новосибирск : ИД «Сова», 2007. 456 с.
5. Килин А.П. Категории граждан, лишенных избирательных прав в 1920-е гг. : анализ инструкций о выборах в советы // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.) : сб. статей участников научной конференции «История репрессий на Урале». Нижний Тагил, 1997. С. 95–105.
6. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета № 577 // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР, издаваемое Народным Комиссариатом Юстиции. № 75 от 26.11.1926 г. Отдел первый. С. 885–895.
7. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Фонд № 4 «Свердловский областной комитет Коммунистической партии Советского Союза».
8. Фицпатрик Ш. Срывайте маски!: Идентичность и самозванчество в России XX века / [пер. с англ. Л.Ю. Патиной]. М. : РОССПЭН, 2011. 375 с.
9. Русина Ю.А. Источниковедение новейшей истории России. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. 236 с.
10. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Фонд № 88-Р «Уральский областной исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов».
11. Килин А.П. База данных по теме «Личное дело лишенного избирательных прав за занятие торговлей» // Документ. Архив. История. Современность : сб. матер. Региональной науч.-практич. конф. Екатеринбург, 20–22 апреля 2000 г. : в 2 ч. Екатеринбург, 2000. Ч. 1. С. 157–161.
12. ГАСО. Фонд № 138-Р «Екатеринбургский губернский суд (1921–1924 гг.)».
13. ГАСО. Фонд № 148-Р «Свердловский областной суд Министерства юстиции РСФСР» Оп. 1 (1921–1934 гг.).
14. Байда Е.В. Социальный портрет лишенного избирательных прав за занятие торговлей // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.) : сб. ст. участников науч. конф. «История репрессий на Урале». Нижний Тагил, 1997. С. 86–95.
15. Тихонов В.И., Тяжелникова В.С., Юшин И.Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. Новые архивные материалы и методы обработки. М. : Изд-во объединения «Мосгорархив», 1998. 256 с.
16. Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Западного региона РСФСР) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Брянск, 2003. 275 с.
17. Морозова Н.М. Лишение избирательных прав на территории Мордовии в 1918–1936 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 : Саранск, 2005. 233 с.
18. Саламатова М.С. Лишение избирательных прав как форма социально-политической дискриминации в середине 1920-х –1936 гг. : на матер. Западной Сибири : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Новосибирск, 2002. 292 с.
19. Тихонов В.И. Личные дела граждан, ходатайствовавших о восстановлении в избирательных правах в 1920–1930 гг., как исторический источник : Опыт компьютерного моделирования комплекса массовых материалов : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09. М., 1996. 22 с.
20. Карпычева Е.В. Лишение избирательных прав за занятие частной торговлей по Тверскому региону: источниковедческое исследование : 1918–1936 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09. М., 2009. 295 с.

21. Савельева И.М., Полетаев А.В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого / ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М.: ГУ–ВШЭ, 2005. С. 170–220.
22. Субъективность и идентичность: автобиографии советских трудящихся. 26.02.2014 / научно-учебная группа междисциплинарных исследований автобиографии; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://phil.hse.ru/autobio/seminar14> (дата обращения: 11.07.2017).
23. Волошина С.В., Литвинов А.В. Анатомия делопроизводительной автобиографии в новейшей истории России: композиция и содержание текстов // Текст. Книга. Книгоиздание. 2016. № 1 (10). С. 40–54.
24. Килин А.П. Автобиография в структуре судебно-следственных дел Уральского областного суда (1923–1934 гг.) // Тезисы межд. конф. «Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском пространстве: Люди, тексты, практики». М., 01–02.06.2016 гг. М.: ГУ–ВШЭ, 2016. С. 52–54.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 октября 2017 г.

AUTOBIOGRAPHICAL DATA IN THE PERSONAL RECORD OF A CITIZEN WHO HAS APPLIED FOR THE RESTORATION OF ELECTORAL RIGHTS DEPRIVED FOR TRADING

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 433, 70–77.

DOI: 10.17223/15617793/433/9

Alexey P. Kilin, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation).
E-mail: Alexey.kilin@urfu.ru

Keywords: Ural; New Economic Policy; electoral right; restriction of electoral rights; personal record; autobiography; biographic data; records; records management autobiography; trade; records management.

The aim of the article is to scrutinise autobiography as part of a ‘lishenets’ [a disenfranchised person] personal record, to identify its specific traits typical of such kind of records management autobiographies. The sources for the research are personal records of citizens who appealed for electoral rights reinstatement after being deprived of such for trading reasons, and legal documents specifying the revocation and reinstatement of electoral rights. Unpublished materials of the Regional Election Commission of Sverdlovsk Regional Executive Committee are stored in Sverdlovsk Oblast State Archive. By using methods of source analysis, the author determines the place and role of autobiography in a ‘lishenets’ personal record. The author draws a conclusion that a citizen’s appeal containing autobiographic details can be attributed to mass sources, while autobiographies as a separate document are not mass documents. The structure and the content of record management autobiographies were predisposed by administrative procedures under which they were created. The structure was determined not only by chronology (historical, biographic or plot lines), but also by legal acts regulating the process of reinstatement. The content of the text was oriented onto the members of the Election Commission and as such had to coordinate with their expectations and class orientation. Applicants’ argumentation of life events was based on both rational and emotional bases (appeal to the sense of justice, revolutionary consciousness and common sense). The following conclusion related to the specification of autobiographies of former merchants can be drawn based on the analysis of the texts. The defining characteristics are: autobiography could be both a separate document and part of an appeal document; it always contained facts that were viewed as the basis for electoral rights reinstatement; it was not balanced as it showed in detail the aspects of life connected with trade and revocation of electoral rights; omissions and partial disclosures were present in the texts; biographies contained links to legal acts and facts supporting the truthfulness of the information presented by the applicant; at times it is evident that the texts had ‘co-authors’ as they could have been written by a third party; autobiographies are written in an emotionally coloured style as sometimes they contained very judgemental statements, which is not typical of records management. Investigating into the meaning of autobiographies in the process of electoral rights reinstatement, the author draws a conclusion that these documents were the core elements both for the formation of a ‘lishenets’ personal record and for the reinstatement procedure itself.

REFERENCES

1. Slavko, T.I. (ed.) (1996) *Sotsial'nyy portret lishentsa (na materialakh Urala): sb. dokumentov* [A social portrait of a lishenets (on the materials of the Urals): documents]. Ekaterinburg: Ural State University.
2. Sheykhetov, S.V. (n.d.) *Nepmany Sibiri* [The NEPmen of Siberia]. [Online] Available from: <http://zaimka.ru/soviet/cheikh1.shtml>. (Accessed: 11.07.2017)
3. Demchik, E.V. (1998) *Chastnyy kapital v gorodakh Sibiri v 1920-e gody* [Private capital in the cities of Siberia in the 1920s]. Barnaul: Altai State University.
4. Krasil'nikov, S.A. (ed.) (2007) *Marginaly v sotsiume. Marginaly kak sotsium. Sibir' (1920–1930-e gody)* [Marginals in the society. Marginals as a society. Siberia (1920s–1930s)]. 2nd ed. Novosibirsk: ID “Sova”.
5. Kilin, A.P. (1997) Kategorii grazhdan, lishennykh izbiratel'nykh prav v 1920-e gg.: analiz instruktsiy o vyborakh v sovery [Categories of citizens deprived of their voting rights in the 1920s: an analysis of instructions on elections to soviets]. In: Kirillov, V.M. (ed.) *Istoriya repressiy na Urale: ideologiya, politika, praktika (1917–1980-e gg.)* [History of repression in the Urals: ideology, politics, practice (1917–1980)]. Nizhny Tagil: Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Academy.
6. All-Russia Central Executive Committee. (1926) Dekret Vserossiyskogo Tsentral'nogo Iсполnitel'nogo Komiteta № 577 [Decree of the All-Russia Central Executive Committee No. 577]. *Sobranie zakoneny i rasporyazheniy raboche-krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR, izdavaemoe Narodnym Komissariatom Yustitsii*. 75. 26 November 1926. Part 1. pp. 885–895.
7. Center for Documentation of Public Organizations of Sverdlovsk Oblast (TsDOOSO). Fund 4 “Sverdlovskiy oblastnoy komitet Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuz” [Sverdlovsk Regional Committee of the Communist Party of the Soviet Union].
8. Fitzpatrik, Sh. (2011) *Sryvayte maski!: Identichnost' i samozvanchestvo v Rossii XX veka* [Tear Off the Masks!: Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia]. Translated from English by L.Yu. Patina. Moscow: ROSSPEN.
9. Rusina, Yu.A. (2015) *Istochnikovedenie noveyshey istorii Rossii* [Source study of the newest history of Russia]. Ekaterinburg: Ural State University.
10. State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 88-R “Ural'skiy oblastnoy ispolnitel'nyy komitet sovetov rabochikh, krest'yanskikh i krasnoarmey'skikh deputatov” [Ural Regional Executive Committee of Soviets of Workers', Peasants' and Red Army's Deputies].
11. Kilin, A.P. (2000) [Database on the topic “Personal record of a person deprived of voting rights for trading”]. *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'* [Document. Archive. History. Modernity]. Proceedings of the Regional Conference. Ekaterinburg. 20–22 April 2000. Pt. 1. Ekaterinburg: [s.n.]. pp. 157–161. (In Russian).
12. State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 138-R “Ekaterinburgskiy gubernskiy sud (1921–1924 gg.)” [Ekaterinburg Province Court (1921–1924)].

13. State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 148-R “Sverdlovskiy oblastnoy sud Ministerstva yustitsii RSFSR” [Sverdlovsk Regional Court of the Ministry of Justice of the RSFSR]. List 1 (1921–1934).
14. Bayda, E.V. (1997) Sotsial'nyy portret lishennogo izbiratel'nykh prav za zanyatie torgovley [Social portrait of a person deprived of his/her voting rights for trading]. In: Mazur, L.N. (ed.) *Istoriya repressiy na Urale: ideologiya, politika, praktika (1917–1980-e gg.)* [History of repressions in the Urals: ideology, politics, practice (1917–1980s)]. Nizhnyy Tagil: Ural State University.
15. Tikhonov, V.I., Tyazhel'nikova, V.S. & Yushin, I.F. (1998) *Lishenie izbiratel'nykh prav v Moskve v 1920–1930-e gody. Novye arkhivnye materialy i metody obrabotki* [Deprivation of electoral rights in Moscow in 1920s–1930s. New archive materials and processing methods]. Moscow: Izd-vo ob"edineniya “Mosgorarkhiv”.
16. Valuev, D.V. (2003) *Lishentsy v sisteme sotsial'nykh otnosheniy (1918–1936 gg.) (na materialakh Zapadnogo regiona RSFSR)* [The lishenets in the system of social relations (1918–1936) (On the materials of the Western region of the RSFSR)]. History Cand. Dis. Bryansk.
17. Morozova, N.M. (2005) *Lishenie izbiratel'nykh prav na territorii Mordovii v 1918–1936 gg.* [Deprivation of electoral rights in the territory of Mordovia in 1918–1936]. History Cand. Dis. Saransk.
18. Salamatova, M.S. (2002) *Lishenie izbiratel'nykh prav kak forma sotsial'no-politicheskoy diskriminatsii v seredine 1920-kh –1936 gg.: na mater. Zapadnoy Sibiri* [Deprivation of electoral rights as a form of socio-political discrimination in the mid-1920s–1936: on the material of Western Siberia]. History Cand. Dis. Novosibirsk.
19. Tikhonov, V.I. (1996) *Lichnye dela grazhdan, khodataystvovavshikh o vosstanovlenii v izbiratel'nykh pravakh v 1920–1930 gg., kak istoricheskiy istochnik: Opyt komp'yuternogo modelirovaniya kompleksa massovykh materialov* [Personal records of citizens who applied for reinstatement in voting rights in 1920s–1930s as a historical source: The experience of computer simulation of a complex of massive materials]. Abstract of History Cand. Dis. Moscow.
20. Karpycheva, E.V. (2009) *Lishenie izbiratel'nykh prav za zanyatie chastnoy torgovley po Tverskomu regionu: istochnikovedcheskoe issledovanie: 1918–1936 gg.* [Deprivation of electoral rights for private trade in the Tver region: a source study: 1918–1936]. History Cand. Dis. Moscow.
21. Savel'eva, I.M. & Poletaev, A.V. (2005) “Istoricheskaya pamyat’”: k voprosu o granitsakh ponyatiya [“Historical memory”: to the question of the boundaries of the concept]. In: Savel'eva, I.M. & Poletaev, A.V. (eds) *Fenomen proshlogo* [The phenomenon of the past]. Moscow: HSE.
22. Research Group of Interdisciplinary Autobiography Research, Higher School of Economics. (2014) *Sub'ektivnost' i identichnost': avtobiografii sovetских trudyashchikhsya* [Subjectivity and identity: autobiographies of Soviet workers]. [Online] Available from: <https://phil.hse.ru/autobio/seminar14>. (Accessed: 11.07.2017).
23. Voloshina, S.V. & Litvinov, A.V. (2016) Anatomy of a clerical autobiography in the contemporary history of Russia: composition and content of texts. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 1 (10). pp. 40–54. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/10/3
24. Kilin, A.P. (2016) [Autobiography in the structure of the forensic investigation of the Ural Regional Court (1923–1934)]. *Avtobiograficheskie sochineniya v mezhdistsiplinarnom issledovatel'skom prostranstve: Lyudi, teksty, praktiki* [Autobiographical essays in the interdisciplinary research: People, texts, practices]. Abstracts of the International Conference. Moscow. 01–02 July 2016. Moscow: HSE. pp. 52–54. (In Russian).

Received: 22 October 2017